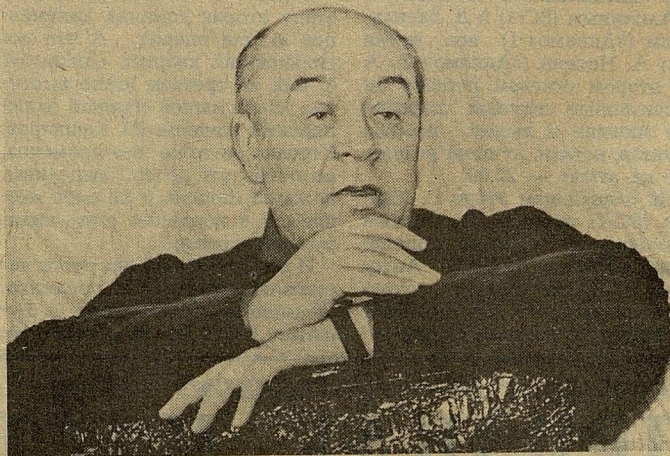

Леонид БРОНЕВОЙ:

«МНЕ БОЛЬШЕ ПО ДУШЕ РОЛЬ ТРЕНЕРА»

Шел я в театр к «Директору театра», то есть к народному артисту республики, лауреату Государственной премии РСФСР Леониду Сергеевичу Броневому, который в тот вечер на сцене театра на Малой Бронной играл главную роль в спектакле по пьесе Игнатия Дворецкого.

Точно в назначенный час пришел Броневый, мы поднялись в его гримировочную, и передо мной предстал совсем иной человек, чем тот, кого ожидал увидеть. Поразительная пластика душевного строя актера позволяет ему играть в чрезвычайно широком диапазоне подчас диаметрально противоположные характеры. Взять хотя бы сильного, умного, жестокого, такого не однолинейного врага, как Мюллер, в знаменитом телесериале. Или немного уставшего от чрезмерного знания людей и жизни, ироничного Герцога в «Том самом Мюнхгаузене». Или динамичного, принципиального и временами наивного Директора, и совершенно неожиданного, далекого от шаржа и карикатуры, мягкого, немного как бы сочувствующего осмеиваемым людям юмориста Швейца в телепердаче о Ярославе Гашеке.

А начался наш разговор с футбольной темы. Броневый сказал:

— Знаете, много лет назад, в детстве еще, стоял голкипером, и мне удалось отразить «мертвый мяч», а потом забрать его в ногах распяленного форварда. Я до сих пор помню тот день и слегка даже горжусь той своей удачей, как горжусь, будто собственной, хорошей игрой своего любимого киевского «Динамо».

— Вы, стало быть, разделяете мнение о том, что острота переживаний, связанных с футболом, свойственна и театру. Ведь и в «Директоре» режиссер Вознесенский восклицает по поводу предстоящего чемпионата мира по футболу: «Вот, мол, где страсти, сшибка характеров, масштабы, вот бы, дескать, поставить грандиозный спектакль обо всем этом. Почему же, однако, нет наших пьес о футболе и о спорте вообще, хотя, казалось бы, и в самом деле, где, как не в этой области, обилие и острота конфликтов?»

— Тот же герой в нашем спектакле говорит: пьес нет хороших, цикл такой — нет пьес

и баста. Что же до спорта, до футбола, то этот цикл, по-моему, донельзя затянулся.

Сходство же между футболом и театром очевидно. Вот возьмите, к примеру, опять-таки киевское «Динамо». Я вырос в Киеве, отсюда эта моя привязанность, еще с довоенных времен. Бережно храню фото команды, где вы найдете и Николая Трусевича, и Алексея Клименко, и Ивана Кузьменко — участников знаменитого «матча смерти». Все, кто выступает или будет выходить на поле в составе киевского «Динамо», всегда должны помнить их имена и тех, кто играл тогда вместе с ними. Футбол всегда был и будет делом патристическим.

Так вот, я от всей души рад, что моей любимой команде во главе с Валерием Лобановским удалось добиться звания чемпиона Советского Союза и обладателя Кубка СССР. Главное же — скачок в качестве игры. Лобановскому удалось создать творческий коллектив, он оказался более гибким, чем многие думали, отказался от некоторых схем — «выездной модели», например. Теперь киевляне зрелищно играют и в гостях. Словом, это настоящая труппа без массовки. Как мы говорим

на театре. И сразу несколько солистов. Вот тут не знаю, насколько правомерна параллель со сценой.

— Ведь Владимир Иванович Немирович-Данченко выразился как-то в том смысле, что одна Ермолова в одном театре — это хорошо, две — хуже, а три — такой театр погиб. Однако уверен, что у нас уже скоро появится возможность на практике опровергнуть — применительно к футболу, разумеется, — это высказывание знаменитого режиссера. Чем больше «звезд», тем лучше для команды и футбола в целом.

— Раз уж вы упомянули о великой актрисе, то как бы соотносился с личностью спортсмена такое ее высказывание: «Актриса нельзя воспитать и обучить, если не воспитать в нем человека?»

— Напрямую. Быть человеком для актера и спортсмена, на мой взгляд, — это в полной мере сознавать свою личную ответственность перед людьми, перед зрителями, обществом. «Мне мало, чтобы ты был актером, — требовал Михаил Семенич Щепкин, патриарх русского театра, — мне нужно, чтобы ты был образованным человеком, ответственным за

свои действия и поступки». Так и спортсмен — никогда не должен забывать об ответственности личной, о своем внешнем и моральном облике, будь то в семейной жизни или в команде, о своем поведении на стадионе, в чужом городе, за границей. Это все налагает на нас, актеров и спортсменов, большие обязанности, предъявляет особые требования. Особые. А звание чемпиона, известность ко многому обязывают. И тут я вновь о моих киевлянах: они позволили себе расслабиться в последних матчах, и критиковали их за это правильно.

Чемпионский титул всегда нужно нести с достоинством, до конца. Вспомним и недавнюю позорную историю на стадионе в городе Абовяне, непристойное поведение тренера и некоторых игроков хозяев поля. Полностью согласен с утверждением: тренер, раз солгавший, должен отказаться от роли наставника. Корысть, неинтеллигентность, нескромность и грубость мы встречаем порой и в среде актерской, и в среде спортивной. Борьба с этими недостатками, их преодоление — это и борьба за здоровый образ жизни в плане человеческих отношений, если понимать его широко, как коренную ломку в сознании людей. Это не только отказ от «пивка для рыбки» и от «водочки для обводочки», это переориентировка свободного времени людей на подлинные ценности в жизни. Не случайно ведь борьба с пьянством и алкоголизмом так тесно связывается с работой клубов и спортивных сооружений.

— А у вас, кстати говоря, находится свободное время для активного отдыха, учитывая вашу интенсивную игру на разных площадках — сценической, в телестудии, в кинопавильоне и перед радиомикрофоном?

— Если усреднить цифры за последние, скажем, 10 лет и до-

бавить к названным вами «спортивным площадкам» репетиционный зал в театре, то получится примерно 10 часов в день. Нагрузки физические велики. Мой, пожалуй, единственный специальный вид физических упражнений — это довольно продолжительная ходьба со скоростью двух шагов в секунду. Достаточно быстро.

В редкую свободную минуту играю в шахматы, разбираю некоторые партии, как на последнем матче за звание чемпиона мира между Карповым и Каспаровым, матче, который с самого начала доставил мне массу огорчений.

— ?

— Ведь было ясно, что кто-то должен проиграть, а я симпатизирую обоим.

— Воспользуюсь в таком случае своей единственной домашней заготовкой. Какие спортсмены могли бы, по вашему мнению, вдохновить драматурга на создание пьесы о спорте и почему?

— Всеволод Бобров, Людмила Пахомова, Юрий Вардадя, которых я отношу к своим любимцам в спорте. Все тот же Щепкин призывал: «Играй так, чтоб я не видел, что заучено». А это — высшее мерло мастерства. Они играли именно так.

Бобров вместе со Стрельцовым был новатором в футболе, но более того, в нем открылся незаурядный дар тренера. Все они люди непростой спортивной и человеческой судьбы, познавшие не только розы, но и тернии на пути, поднимавшие не только кубки успеха, но и выпившие горькую чашу неудач, пережившие жизненные потрясения. Что же касается Вардадяна, то он наиболее полно воплощает для меня именно советский тип спортсмена, воспитанного нашим строем, нашим образом жизни. Он несет на своих плечах потрясающий

вес — более 40 мировых рекордов на тяжелоатлетическом помосте и нелегкое бремя общественных забот. Можно представить себе, например, как не просто для него было добиться постройки в ленинканской школе спортивного зала. Одного престижа олимпийского чемпиона и мирового рекордсмена вряд ли тут хватило. Ну чем не сюжеты, в общих, конечно, чертах, для драматического произведения?

— С изрядной долей натяжки можно сказать, что роли с отдаленно спортивным оттенком вы сыграли лишь в фильмах «Вооружен и очень опасен» и «Лебедев против Лебедева», где вам пришлось ездить верхом и водить автомобиль. А что если бы вам предложили в пьесе о спорте роль спортсмена, болельщика, судьи или тренера? Какую бы выбрали?

— Роль спортсмена мне не по возрасту, болельщика — не интересно — играть пристрастность просто, а беспристрастный болельщик — это нечто амёбообразное. Роль арбитра мне не по нраву — слишком часто судьбы субъективны. А вот роль тренера мне по душе. В ней усматриваю сходство с искусством режиссера, человека, который может угадать в тебе то, что ты сам не видишь, деликатно руководить тобой, подсказывать, когда нужно — показать и поправить. Это решающее свойство режиссера и тренера. Без этого какой же актер или футболист, скажем, поверит в них. Бесков может не только потребовать, но и показать, то же самое Лобановский. О том, что и как мог показать Бобров, ходят легенды. В этом требовании я, возможно, максималист, но что поделаешь... Да, роль тренера мне была бы по душе.

И. МАРИНОВ.
Фото В. Каратаева.